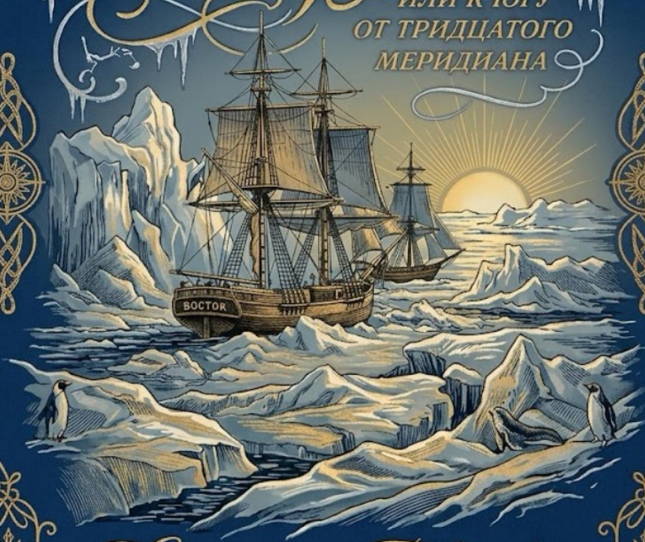

527 Дней Под парусами

или к югу
от тридцатого
меридиана

Екатерина Павлова

Екатерина Павлова

527 дней под парусами или к югу от тридцатого меридиана

<https://litres.ru/73808844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для тех, кто скучал по «Детям капитана Гранта», «Затерянным в океане» и «Приключениям Гекльберри Финна».

1819 год. Россия. Штаб-лекарь Алексей Галкин бежит от личной трагедии на край света, отправившись в антарктическую экспедицию Беллинсгаузена и Лазарева. Его ждут льды, шторма, цинга и старые пиратские карты, ведущие к Неведомой Южной Земле.

Но главное испытание начинается там, где кончается карта: среди ледяной пустыни судьба преподносит Галкину встречу, которой не может быть по всем правилам военного корабля. Посреди Южного океана экипаж находит разбитый китобойный корабль, а плавание превращается в испытание, к которому не готовил ни один медицинский учебник. Галкину предстоит выбрать между долгом, честью и тем, что не предусмотрено судовым уставом.

Основанная на реальных событиях история о настоящей дружбе, ледяном безумии и людях, которые держатся друг за друга, когда вокруг только вода и небо.

Содержание

Глава 0: Вводная	5
Часть 1	9
Глава 1: Три причины для отплытия	10
Глава 2: Копенгагенский сюрприз	23
Глава 3: Туманный Альбион	33
Глава 4: Тайна капитана	43
Глава 5: К югу от Рио	52
Глава 6: Шторм	65
Часть 2	76
Глава 7: Земля Сандвича	77
Глава 8: Новые острова	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Екатерина Павлова

527 дней под парусами или к югу от тридцатого меридиана

Прекрасному доктору и бесстрашной путешественнице — моей маме, моим друзьям, неустанно поддерживающим меня, яхт-клубу НИУ ВШЭ "Термес", школьным учителям литературы и географии.

Глава 0: Вводная

Короче, я хочу лишь то сказать тебе, что воля в нас всегда подчинена судьбе! Замыслив что-нибудь, мы дел конца не знаем и часто терпим то, чего не ожидаем.

Уильям Шекспир. "Гамлет, принц Датский" (Пер. А. Соколовского).

— Вы не заставляйте меня заниматься этой грязной и неподобающей моему званию и умениям работе! — штаб-лекарь Алексей Галкин пребывал в величайшей степени негодования, размахивая руками столь сильно, что чуть не смахнул на

пол почти полностью догоревшую лампадку с маслом. Однако через секунду пол ощутимо наклонился:

— Поворот! На верхней палубе послышался топот ног и скрип снастей. Молодой доктор успел схватиться за ближайшую бочку и удержался на ногах, однако злополучная лампадка все же оказалась прямо под ногами его собеседника.

Капитан-лейтенант Михаил Петрович Лазарев стоял прямо, заложив руки за спину, казалось, что даже такая ощутимая качка не была способна вывести его из равновесия. Он смерил многострадальный источник света в каюте презрительным взглядом, и спустя мгновение слегка брезгливо водрузил его обратно на его законное место - на бочку с соляной и продолжил как ни в чем не бывало:

— Алексей Андреевич, помилуйте, всё пойдет насмарку, если вы откажетесь. Я обращаюсь к вам не как командир, но как товарищ, пусть и старший по званию — добавил он про себя, представьте себе, что все сведения, коими будет располагать наша кампания будут лишь... теоретическими, письменными, если угодно. Нам понадобится нечто вещественное, дабы оправдать те надежды и средства, коими снабдил нас его Императорское Величество государь император.

— Но позвольте! — вновь прервал его Алексей, — Почему именно я? Из всех матросов и офицеров, находящихся на борту этого судна, именно я должен стать этим... мясником! Этим заведующим обрезками! Этим...

— Довольно! — терпение капитана-лейтенанта Лазарева

стремительно подходило к концу. Вам не приходило в голову, многоуважаемый Алексей Андреевич, что из всего общества, находящегося ближайшей доступности, именно вы чаще остальных сталкивались с зашиванием ран, операциями и иными нестандартными задачами, которые ставит вам человеческое тело изо дня в день? Не задумывались ли вы, что матрос, умеющий ловко работать ниткой и иглой превратит предмет нашего спора лишь в новую пару сапог, но никак не в достойный экспонат Кунсткамеры? Капитан-лейтенант Лазарев уже порядком устал от этого от начала и до конца бессмысленного диалога. Им обоим было понятно, что рано или поздно Алексей уступит своему капитану и примется за положенную работу, пусть и без особого рвения, однако штаб-лекарь не упустил ни единой возможности высказать капитану всё, что он думает относительно этого решения:

— Вы совершенно правильно заметили, что речь в моей работе всегда шла о человеческом теле, но никак не теле этого бедного животного, бранные останки которого вы притащили на борт с гарпуном в брюхе. Да и положи руку на сердце, мне бы очень понадобился этот ваш матрос, который бы сумел сделать из этого чудовища сапоги, быть может, вдвоем мы бы управились и с такой задачей.

Михаил Петрович с трудом подавил победную улыбку и уставился в переносицу своего собеседника:

— Всенепременно. Считайте, что уже обзавелись помощником в его лице. В течение пары часов он будет в ка-

ют-компании, извольте знакомиться. С этими словами и все же проскользнувшей улыбкой в уголках губ капитана-лейтенант Лазарев покинул крошечную каюту штаб-лекаря корабля «Мирный», направляющегося к берегам Terra Australis — неведомой южной земли.

Часть 1

Глава 1: Три причины для отплытия

Штаб-лекарь Алексей Андреевич Галкин считал, что у него есть как минимум три веские причины не садиться на этот корабль.

Первая причина заключалась в погоде. Кронштадт встречал экспедицию промозглым июльским утром, когда не поймаешь, то ли дождь собирается, то ли туман решил навсегда осесть на лицах, воротниках и душах. Низкое небо давило на шпили соборов, а ветер с залива задувал под шинель с таким усердием, словно лично хотел отговорить Алексея от этой затеи.

— Не ходи, — казалось, гудел ветер. — Сиди дома. Пей чай с малиной. Лечи купцов от насморка.

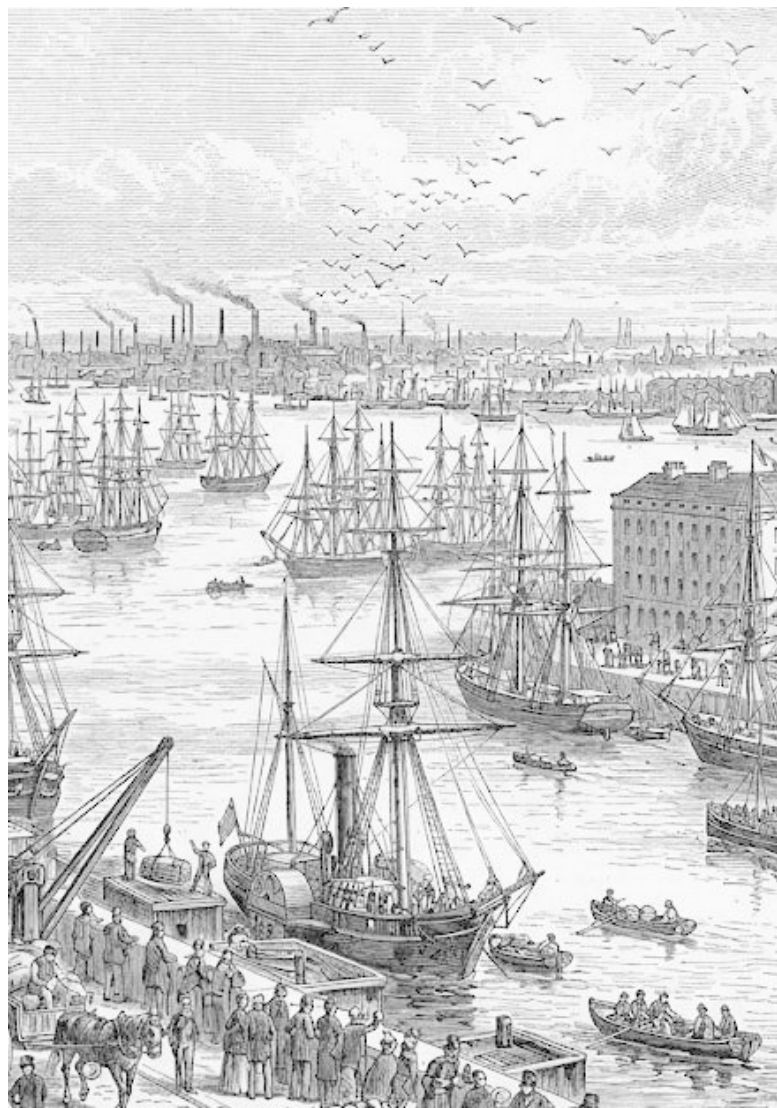
Вторая причина была серьезнее. В кармане его сюртука лежало письмо от матушки, которое он перечитал раз двадцать, но так и не решился сжечь или выбросить. Письмо было полное слёз, причитаний и перечисления всех болезней, которые непременно настигнут Алексея в Южном полушарии, — от тропической лихорадки до «ледяного помрачения рассудка». Матушка была уверена, что сына отправляют на верную гибель, и подкрепила свою уверенность тремя прошивками и ладанкой, которые Алексей теперь носил на шее,

стыдливо пряча под мундир.

Но третья причина была самой главной, и о ней Алексей старался не думать вовсе.

Два года назад он похоронил жену.

Машенька... Она не перенесла родов, да и ребёнок не выжил. С тех пор Алексей словно окаменел. Лечил, принимал пациентов, писал отчёты, но внутри у него было пусто, как в заброшенном доме. Когда поступило предложение от Медико-хирургической академии — рекомендовать опытного врача для экспедиции, — он согласился, не раздумывая. Бежать. Бежать от петербургской сырости, от пустой квартиры, от всего, что напоминало о Машеньке.

Вот только теперь, стоя на пристани и глядя на два шлюпа: «Восток» и «Мирный», — он отчётливо понял: от себя вовсе не убежишь. Себя везёшь с собой.

— Господин штаб-лекарь! Извольте подняться на борт, сейчас начнут грузить последние припасы!

Алексей обернулся. Рядом с ним, почтительно сняв фуражку, стоял молодой мичман — румяный, с глазами навыкате, запыхавшийся так, словно пробежал версту.

— Иду, иду, — Галкин вздохнул, поправил на плече саквояж с медикаментами и ступил на сходни.

«Мирный» встретил его запахом свежей краски, мокрого дерева и ещё чего-то неуловимо тревожного. Корабль покачивался на волне, словно примериваясь, понравится ему новый пассажир или нет. На палубе творилось нечто невообразимое: десятки матросов сновали туда-сюда, таскали ящики, сверлили, стучали, смолили. Где-то внизу утробно мычали коровы — живность, которую брали в плавание ради свежего молока.

— Алексей Андреевич! Рад приветствовать!

Галкин поднял глаза и впервые увидел того, кому предстояло стать его командиром на многие месяцы, а может быть, и годы.

Капитан-лейтенант Михаил Петрович Лазарев стоял на шкафуте¹, он смотрел сверху вниз, но в его взгляде не читалось превосходства, он смотрел на Алексея с каким-то живым любопытством. Лазарев был невысок, но держался с удивительным достоинством — сразу чувствовалась порода, выправка, привычка повелевать. Гладко выбритое лицо, внимательные глаза, в которых читался острый ум и, кажется, лёгкая насмешка. Казалось, что даже лёгкая качка, на которую жаловались все вокруг, не была способна вывести его из равновесия.

— Наслышан о вас, — Лазарев протянул руку для рукопожатия. — Баронет Виллие² писал, что лучшего лекаря для экспедиции не сыскать во всём флоте.

— Баронет Виллие слишком добр, — пробормотал Алексей, пожимая твёрдую, сухую ладонь капитана. — Я всего лишь...

— Всего лишь будете спасать нам жизни, — перебил Лазарев без тени улыбки. — Это, уважаемый, не «всего лишь». Прощу в каюту, располагайтесь. А вечером извольте явиться на совещание у командующего. Фаддей Фаддеевич хочет видеть всех офицеров.

¹ Шкафут на деревянных парусных кораблях — широкие доски, уложенные горизонтально вдоль бортов для прохода с бака на шканцы (квартердек).

² Яков Васильевич Виллие (при рождении Джеймс Уайли, иногда также Виллие 1-й) — русский врач-хирург шотландского происхождения, лейб-хирург российского императорского двора, организатор военно-медицинского дела в российской армии.

Каюта, доставшаяся Алексею, оказалась размером с хороший чулан. Койка, привинченная к стене, столик, табурет, рундучок для вещей. В углу на бочке с солониной стояла лампадка с маслом — единственный источник света в этом подобии жилья. Галкин оглядел это великолепие и подумал, что в его петербургской квартире одна прихожая была больше.

— Ничего, — сказал он вслух, чтобы подбодрить себя. — Спартанская обстановка способствует ясности мыслей.

Мысли, впрочем, ясностью не отличались. Он разобрал саквояж, разложил инструменты, пристроил на полке несколько медицинских книг и выглянул в узкий иллюминатор. За стеклом колыхалась мутная вода Кронштадтской гавани.

Раздался стук в дверь.

— Дозвольте, ваше благородье?

На пороге стоял мужик лет тридцати, коренастый, с рыжей щетиной и руками, которые, казалось, были сделаны из одних узлов и мозолей. От него пахло смолой, табаком и ещё чем-то неуловимо лесным.

— Фома? — удивился Галкин, вспомнив, что ему говорили о каком-то матросе, которого пришлют в помощь.

— Он самый, — мужик перекрестился на лампадку и шаг-

нул внутрь, сразу заполнив собой полкаюты. — Михайло Петрович велел представиться и помочь с обустройством. Сказывали, что вы одни здесь, без денщика, а в море без помощи никак.

Галкин окинул его взглядом. Помощник был, мягко говоря, колоритным.

— Ты, я смотрю, уже всё про меня знаешь, — проворчал он, но без злости.

— А как же, — Фома широко улыбнулся, явив миру щербатый рот. — У нас на флоте всё быстро становится известно. Вы, говорят, из самой Москвы, учёный человек. А я вот из сибирских, из крестьян. Где ж нам учёность вашу понимать, а вот подсобить по хозяйству — это завсегда.

Он оглядел каюту хозяйским взглядом, поправил лампадку, чтобы стояла ровнее, приподнял крышку рундука, заглянул под койку.

— Тесновато тут у вас, — резюмировал он. — Но ничего, привыкнете. Я в первом плавании на «Суворове»³¹ с Михайлой Петровичем ещё не в таких каютах ночевал. Бывало, втроем в одной, и ничего, живы.

— На «Суворове»? — переспросил Галкин. — Ты с Лазаревым уже ходил?

¹ «Суворов» — шлюп, на котором в 1813–1816 годах совершалось кругосветное плавание лейтенанта М. П. Лазарева. Корабль принадлежал Российско-американской компании (РАК). Это было первое кругосветное плавание будущего знаменитого русского адмирала и мореплавателя, четвёртое плавание по счёту в истории российского флота.

— А то, — Фома просиял. — Вместе кругом света обогнули. Он меня тогда и приметил. Говорит, у тебя, Фома, руки золотые. А золотые руки, он говорит, везде нужны. Вот я и здесь.

Галкин посмотрел на свои тонкие, бледные пальцы, потом на узловатые, но, без сомнения, умелые руки Фомы и подумал, что, возможно, этот мужик и правда окажется полезнее иного учёного.

— Что ж, Фома, будем знакомы, — сказал он. — Помогай.

Вечером Галкин впервые увидел Беллинсгаузена. Советование проходило в кают-компании «Востока», которая оказалась чуть просторнее, чем на «Мирном». За длинным столом сидело человек десять офицеров. Лазарев уже был там, сидел по правую руку от командующего. Когда вошёл Галкин, все взгляды обратились на него.

— А, наш эскулап¹! — Беллинсгаузен поднялся навстречу. — Прошу, прошу, присаживайтесь.

Фаддей Фаддеевич оказался именно таким, каким Алексей его себе и представлял, — невысокий, сухощавый, с умным, чуть усталым лицом и внимательными, изучающими глазами. Немецкая аккуратность чувствовалась в каждом его

¹ В древнеримской мифологии — бог врачевания. В ироничном, шутливом смысле — врач, медик.

жесте, в каждой фразе, но было в нём и что-то тёплое, отеческое, что сразу располагало.

— Господа, — начал Беллинсгаузен, когда все расселись. — Завтра снимаемся с якоря. Последние приготовления завершены, провиант погружен, команды укомплектованы. Осталось лишь попрощаться с берегом и отдать швартовы.

Он обвёл взглядом присутствующих.

— Путь нам предстоит долгий. Копенгаген, Лондон, затем через Атлантику к берегам Бразилии. А оттуда — на юг, туда, где, по слухам, лежит *Terra Australis incognita*, неведомая Южная земля. Найдём ли мы её — одному Богу известно. Но долг наш, господа, — искать. Искать и описывать всё, что встретится на пути.

— Фаддей Фаддеевич, — подал голос один из офицеров, — а учёные? Те, кого вы приглашали из Европы? Присоединятся к нам в Копенгагене?

Беллинсгаузен чуть помедлил с ответом.

— Мы ведём переписку, — сказал он осторожно. — Ответы получены не от всех. В Копенгагене станет яснее, кто из европейских естествоиспытателей почтит нас своим участием. Но, господа, я должен предупредить: рассчитывать мы обязаны только на себя. Если учёные мужи и решатся разделить с нами трудности плавания — прекрасно. Если нет — значит, научная часть ляжет на наши плечи. На плечи моряков. По кают-компаниям пронёсся лёгкий шумок. Офицеры переглядывались.

— Я понимаю ваши сомнения, — Беллинсгаузен говорил спокойно, но твёрдо. — Мы не все учёные. Мы военные. Но государь император и Академия наук ждут от нас не только открытия новых земель. Они ждут описаний, зарисовок, образцов. Всё, что мы увидим необычного, всё, что попадётся нам на пути, — должно быть изучено, зафиксировано и доставлено в Петербург. Он перевёл взгляд на Галкина.

— И здесь, господа, я возлагаю особые надежды на нашего штаб-лекаря. Алексей Андреевич — человек с медицинским образованием, а значит, привыкший к наблюдениям и точным описаниям. Будущее покажет, в какой мере нам придётся эти надежды реализовать. Пока же прошу вас, любезнейший, быть готовым к любым неожиданностям.

Галкин кивнул, чувствуя себя неуютно под прицелом любопытных взглядов. Он пока не понимал, чего именно от него ждут, но слово «неожиданности» почему-то отозвалось в душе тревогой.

— Не тужите, доктор, — неожиданно подал голос Лазарев. — В море приходится учиться всему, я, например, никогда не мечтал быть дипломатом, а в прошлом плавании пришлось вести переговоры с королём Гавайев. Ничего, справился.

Офицеры заулыбались. Напряжение слегка спало.

После совещания Лазарев догнал его на палубе.

— Ну как вы, Алексей Андреевич? — спросил он, и в голосе его впервые за весь день послышалась не командирская строгость, а человеческое участие. — Не жалеете, что согласились?

— Поздно жалеть, Михаил Петрович, — усмехнулся Галкин. — Якоря завтра поднимаем.

— Это верно, — Лазарев помолчал, глядя на тёмную воду за бортом. — Знаете, доктор, я ведь тоже не сразу решился. Первое плавание — всегда страх. Не за себя — за корабль, за людей. Но потом привыкаешь. Море, оно, знаете ли, затягивает. Один раз попробуешь — и уже не можешь без него.

— А вы давно в море?

— С пятнадцати лет, — Лазарев усмехнулся каким-то своим воспоминаниям. — Сначала гардемарин, потом в Англию послали учиться, потом «Суворов», теперь вот «Мирный». Можно сказать, на воде и вырос.

Он обернулся к Галкину.

— Вы не смотрите, что я строг иногда. По-другому нельзя. В море дисциплина — первое дело. Но если что понадобится — лекарство какое, или совет, или просто слово доброе — вы ко мне обращайтесь. Я хоть и капитан, а человек.

Галкин кивнул, тронутый этой неожиданной откровенностью.

— Спасибо, Михаил Петрович.

— Ступайте отдыхать, — Лазарев хлопнул его по плечу.

— Завтра день долгий будет.

Утром следующего дня «Восток» и «Мирный» снялись с якоря. Галкин стоял на юте¹ и смотрел, как тает в утренней дымке берег России. Кронштадтский рейд, форты, шпили — всё уходило назад, в прошлое, в ту жизнь, которая кончилась. В кармане у него лежало матушкино письмо, а ладанка на шее грела кожу. Где-то внизу Фома перетаскивал его сундук с медикаментами, ворча, что доктор набрал с собой «книжек, как баба тряпок». Рядом, опершись на фальшборт², стоял Лазарев. Он не смотрел на берег — он смотрел вперёд, туда, где море сливалось с небом.

— Прощай, Россия, — негромко сказал он. — Здравствуй, океан.

Галлин покосился на капитана и вдруг поймал себя на мысли, что этому человеку можно доверять. Строгий, требовательный, но справедливый. И, кажется, способный понять чужую боль — даже если сам её никогда не покажет.

Ветер надувал паруса. Корабли уходили в океан. А впереди был Копенгаген, где их ждали письма, новости и — как

¹ Ют (устар. гют, от нидерл. hut — «ют, каюта») — кормовая надстройка судна или кормовая часть верхней палубы.

² Фальшборт на корабле — это ограждение по краю верхней палубы судна, представляющее собой продолжение борта. Термин происходит от нем. falscher Bord — «ложный, искусственный борт».

предчувствовал Галкин с внезапной тоской — первые разочарования. Но об этом он пока старался не думать. Слишком хорошо было стоять на палубе, вдыхать солёный ветер и смотреть, как исчезает за кормой всё, что было раньше. Впереди была только вода и небо. И больше ничего.

Глава 2: Копенгагенский сюрприз

Переход до Копенгагена занял десять дней, и для Галкина они стали временем мучительного привыкания к новой жизни.

Оказалось, что укачивает не только в шторм, а вообще от всего: от лёгкой зыби, от крутой волны, от того особого, мерзкого состояния моря, когда корабль не бросает, но плавно и неуклонно вынимает душу через пятки. Первые три дня он пролежал на койке, вцепившись руками в подушку и мысленно проклиная тот час, когда согласился на эту авантюру.

Фома оказался неоценимым помощником. Он приносил сухари, поил кислой капустной водой, ворчал, что «в море главное — не дать нутру расслабиться», и рассказывал бесконечные истории из своей сибирской юности и морских странствий. Галкин слушал вполуха, но благодарность к этому рыжему медвежатнику росла с каждым днём.

— Ничего, ваше благородье, — говорил Фома, подтыкая под голову Алексея скатанную шинель. — Обтерпитесь. Вон Михайло Петрович сказывали, что первого своего капитана на траверзе Азорских островов вывернуло, а нынча — сам посмотрите — как вкопанный стоит при любой качке. Организм, он ко всему привыкает.

На четвёртый день Галкин действительно встал. На пятый — впервые вышел на палубу. На шестой — заметил, что руки

перестали дрожать, и даже съел миску матросской похлёбки, от одного запаха которой раньше его выворачивало.

— Молодец, доктор, — похвалил Лазарев, встретив его у штурвала. — Переломило — значит, моряком будете.

К седьмому дню Галкин уже достаточно окреп, чтобы начать выполнять свои прямые обязанности. Осмотрел команду — матросы, к счастью, были здоровы, лишь у нескольких нашлись старые болячки да порезы, с которыми он справился быстро и умело. Лазарев заглянул в его каюту вечером, проверил, как устроился, остался доволен.

— С завтрашнего дня начинаем вахты, — сообщил он. — Вы, Алексей Андреевич, офицер, хоть и не строевой. Извольте нести вахту наравне со всеми. Фаддей Фаддеевич наказывал, чтобы все при деле были. Определяю вас в четвёртую склянку⁷¹, с мичманом Завалишиным.

Галкин вздохнул, но спорить не стал. В конце концов, он здесь не гость, а член команды.

Копенгаген показался на горизонте утром десятого дня. Галкин стоял на палубе и смотрел, как из утренней дымки вырастают очертания незнакомого города. Башни, шпили,

¹ Склянки — морской термин, разговорное название песочных часов с получасовым ходом на парусном флоте. Моряки парусного флота использовали склянки как мерило для отсчёта времени вахт и при измерении скорости судна ручным лагом.

черепичные крыши — всё это было так непохоже на Кронштадт, на Петербург, на Россию, что у него захватило дух.

— Красиво, — сказал подошедший Лазарев. — Бывал я здесь, когда в Англию на выучку ходил. Город славный. Датчане — народ морской, дружелюбный. На базаре не обманут, в кабаке лишнего не нальют. Хотя, — он усмехнулся, — кому как.

— А надолго мы здесь? — спросил Галкин.

— Дня на три, не больше. Воды набрать, провизии свежей, писем забрать. И Фаддей Фаддеевич должен встретиться кое с кем из здешних учёных. Вы же помните, мы надеялись, что кто-нибудь из европейских естествоиспытателей к нам присоединится.

Галкин кивнул. Он помнил. И, честно говоря, не слишком на это рассчитывал. В его представлении учёные мужи были людьми основательными, предпочитающими тишину кабинетов и тепло каминов многомесячному плаванью в ледяных водах.

— Поживём — увидим, — философски заметил Лазарев. — А пока, Алексей Андреевич, собирайтесь. Как на якорь станем, я на «Восток» к Фаддей Фаддеевичу отправлюсь, а вас с мичманом на берег отпущу. Прогуляйтесь, город посмотрите. Всё польза для здоровья.

Галкин удивился такому внезапному великодушию, но спорить не стал. Берег после десяти дней в море казался почти раем.

К полудню «Мирный» и «Восток» бросили якоря на копенгагенском рейде. Лазарев, переодевшийся в парадный мундир, отбыл на шлюпке к командиру, а Галкин в компании мичмана Завалишина и Фомы, которого Лазарев велел взять для «подмоги и охраны, мало ли что в чужой земле», сошёл на берег.

После тишины моря, однообразного скрипа снастей и плеска волн, город показался невероятно шумным, пёстрым, многолюдным. Крики торговков, грохот экипажей по булыжной мостовой, перезвон колоколов, чужая, гортанная речь — всё это обрушилось на Алексея лавиной, от которой закладывало уши.

— Эка жисть кипит, — восхищённо протянул Фома, вертя головой по сторонам. — У нас в Сибири потише будет. Да и в Кронштадте. А тут — вавилонское столпотворение, ей-богу.

— Это Дания, Фома, — снисходительно пояснил Завалишин. — Европа. Здесь всё по-другому.

Гуляли они недолго. Галкин быстро устал от шума и толчеи, и компания завернула в небольшую харчевню, пахнущую жареной рыбой и тмином. Заказали пива (Фома косился на кружку с подозрением, но пить стал с удовольствием), солёных кренделей и какой-то немудрёной похлёбки.

За соседним столиком двое моряков — судя по выговору, немцев — громко обсуждали какие-то новости. Галкин прислушался: немецкий он знал неплохо, учили в академии.

— ...и говорят, эта русская экспедиция идёт искать Южную землю, — говорил один, усатый, с обветренным лицом. — Два корабля, слышал я, стоят на рейде.

— Дураки, — хмыкнул второй, помоложе. — Кук прошёл там всё, что можно. Никакой земли нет. Лёд и туман. Погибнуть захотелось русским?

— А может, и захотелось, — засмеялся усатый. — Им, варварам, лишь бы куда-то лезть. Небось и карт толком не имеют.

Галкин почувствовал, как кровь прилила к лицу. Он не был моряком, не был патриотом в громком смысле этого слова, но эти слова ударили его больно, как пощёчина.

Фома, не понимавший по-немецки, но отлично читавший по лицу своего «дохтура», насторожился:

— Чё они гудут-то, ваше благородье? Нешто обидное?

— Пустое, — сквозь зубы ответил Галкин. — Языками мелят.

Завалишин, прислушавшись, побледнел и схватился за эфес кортика.

— Алексей Андреевич, позвольте, я этим... объясню, как о России говорить!

— Сидеть, — рывкнул Галкин тихо, но так, что мичман дёрнулся и остался на месте. — Ты офицер или мальчишка

на побегушках? Сядь.

Сам он поднялся, подошёл к соседнему столику и, глядя на ошарашенных немцев сверху вниз, отчётливо произнёс на их языке:

— Господа хорошие. Я — русский врач с того самого корабля, который вы изволите называть варварским. Если вам интересно, мы имеем карты Кука, Лаперуза и все новейшие лоции, какие только существуют. А что до Южной земли... — он сделал паузу, — время покажет, кто из нас дурак. Приятного аппетита.

Немцы онемели. Галкин вернулся за свой стол, допил пиво и сказал:

— Пошли отсюда. На корабле воздух чище.

Фома, выходя из харчевни, обернулся и, погрозив кулаком вслед онемевшим немцам, прошептал:

— Я б им, супостатам, показал бы "варваров"... тьфу.

На борт «Мирного» возвращались уже к вечеру. Галкин всё ещё кипел от негодования, но постепенно остывал. Закат над Копенгагеном был прекрасен — небо горело золотом и багрянцем, шпили соборов чернели на этом фоне, словно стрелы, пронзающие небо.

На палубе их встретил хмурый Лазарев.

— Алексей Андреевич, прошу в кают-компанию. Фаддей

Фаддеевич желает видеть офицеров.

Галкин сразу понял: случилось что-то нехорошее.

В кают-компании «Мирного» собрались все, кто был не на вахте. Беллинсгаузен сидел во главе стола, перед ним лежала раскрытая папка с бумагами. Лицо у командующего было спокойным, как всегда, но в уголках губ Галкин заметил лёгкую горечь.

— Господа, — начал Беллинсгаузен, когда все расселись. — Я должен сообщить вам неприятную новость. Профессор Кайсен, на которого мы так рассчитывали, прислал письмо. Он не сможет присоединиться к экспедиции.

По кают-компании пронёсся вздох разочарования.

— Подагра, — продолжил Беллинсгаузен. — И преклонный возраст. Он выражает искренние сожаления и желает нам удачи. Я также получил ответ из Стокгольма. Доктор Линдблад... — он заглянул в бумаги, — не готов оставить семью на столь долгий срок. Веские причины, ничего не скажешь.

Лазарев нахмурился, но промолчал.

— Более того, — Беллинсгаузен сделал паузу, — я получил известие от господина Тиллезюса. Вы, возможно, помните, я говорил о нём — известный естествоиспытатель, участник экспедиции Крузенштерна. Я очень надеялся, что он согласится. Увы. Он уже дал слово другой экспедиции — русской, но идущей на Север. Так что и здесь мы остаёмся без поддержки.

Наступила тяжёлая тишина. Все понимали, что это значит: научная часть экспедиции ложится на плечи моряков, которые, при всём уважении, учёными не были.

— Фаддей Фаддеевич, — подал голос Лазарев, — может, попытаться ещё кого-то найти? Здесь, в Копенгагене, наверняка есть толковые люди. Или в Лондоне, куда мы дальше пойдём?

— Я уже разослал запросы, — кивнул Беллинсгаузен. — Но, Михаил Петрович, вы должны понимать: настоящее плавание — не круиз по Средиземному морю. Мы идём в Южный океан, во льды. Охотников рисковать жизнью ради науки немного. Особенно среди тех, кто привык к комфорту университетских библиотек.

Он обвёл взглядом присутствующих.

— Так что, господа, готовьтесь. Всё, что мы увидим, всё, что встретим, — мы должны будем описать сами. Зарисовать, измерить, сохранить. Это наш долг перед государем и перед наукой.

Глаза Беллинсгаузена остановились на Галкине.

— Алексей Андреевич, вы, как человек с медицинским образованием, ближе всех к естественным наукам. Я вынужден просить вас взять на себя труд по описанию животного мира. Я понимаю, что это не ваша прямая обязанность, но...

— Я понимаю, ваше высокоблагородие, — перебил Галкин неожиданно для самого себя. И добавил, вспомнив сегодняшнюю сцену в харчевне: — Не для того мы шли через

пол-Европы, чтобы немцы над нами смеялись. Что-нибудь придумаем.

Беллинсгаузен удивлённо поднял бровь, но ничего не сказал. Лазарев же посмотрел на своего доктора с новым, одобрительным интересом.

Поздно вечером Лазарев зашёл в каюту Галкина. Тот сидел за столом, делая какие-то записи в дневнике, и при появлении капитана поднял голову.

— Не спится, Алексей Андреевич?

— Думаю, — Галкин кивнул на бумаги. — Пытаюсь сообразить, как я буду описывать животных, если ни черта в них не понимаю. Медицина — это одно, а зоология... Это ж целая наука.

Лазарев усмехнулся, присел на край рундука.

— А вы не думайте. Вы делайте. Будет зверь — смотрите, да записывайте. Фому в помощь возьмите, он в этом деле собаку съел. В прямом смысле, — капитан улыбнулся своей шутке. — А книги... В Лондоне, говорят, хорошие книжные лавки есть. Купим всё, что нужно, благо, казна экспедиционная позволяет.

— Спасибо, Михаил Петрович, — искренне сказал Галкин.

— Не за что, — Лазарев поднялся. — И ещё, Алексей Ан-

дреевич... То, что вы сегодня в городе сказали... про немцев. Мне донесли.

Галкин покраснел. Он надеялся, что этот эпизод останется между ним, Завалишиным и Фомой.

— Нехорошо вышло, — пробормотал он. — Не сдержался.

— Хорошо вышло, — неожиданно возразил Лазарев. — Очень хорошо. Значит, не только аптекарь вы, но и русский человек. А нам в этом плавании, — он помолчал, — русские люди ох как нужны. Спокойной ночи, доктор.

Лазарев вышел. Галкин ещё долго сидел, глядя на огонёк лампы, и думал о том, что этот суровый капитан, кажется, начинает ему нравиться. И о том, что завтра — в Лондон. А там, глядишь, и до настоящих приключений недалеко. Где-то на палубе матросы затянули песню. Грустную, бесконечную, русскую. И от этой песни на душе у Алексея стало вдруг спокойно и тепло, словно он был не за тысячи вёрст от дома, а где-то очень близко.

Глава 3: Туманный Альбион

*"По вольным улицам брожу,
У вольной издавна реки.
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски.
Мужская брань, и женский стон,
И плач испуганных детей
В моих ушах звучат, как звон
Законом созданных цепей.
Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор,
И кровь солдата-горемыки
Течет на королевский двор.
А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачных
Чернеют капли детских слез
И катафалки новобрачных."
Уильям Блейк. Перевод С.Я. Маршака*

От Копенгагена до Лондона переход занял пять дней, и эти пять дней стали для Галкина временем лихорадочной подготовки. Он достал из сундука все свои медицинские записи, перечитал учебники по анатомии (авось пригодится, если звери устроены не слишком отлично от людей) и да-

же раздобыл у Лазарева потрёпанный томик Бюффона¹ на французском, который тот возил с собой ещё с прошлого плавания.

— Держите, доктор, — сказал капитан, протягивая книгу. — Тут про животных написано. Правда, старовато, но для начала сгодится. А в Лондоне купим что-нибудь посвежее.

Фома, видя такие приготовления, только крякал и почёсывал затылок:

— Ваше благородье, вы бы лучше на деле учились, чем по книжкам. Вот придём в Лондон, я вам зверюгу какую-никакую раздобуду — хоть на рынке, хоть у местных рыбаков, — и начнём пробовать. Руками-то оно быстрее доходит.

Галкин подозревал, что Фома прав, но от одной мысли, что придётся «пробовать руками» неизвестно что, ему становилось не по себе.

Лондон встретил их туманом, густым, жёлтым, липким, он окутал Темзу так плотно, что «Восток» и «Мирный» едва различали друг друга, стоя на якоре в паре кабельтовых. Галкин вышел на палубу и не увидел даже фок-мачты — всё скрылось в этой ватной мгле, от которой першило в горле и слезились глаза.

— Английская погода, — раздался голос Лазарева откуда-то справа. — Люблю эту страну, уважаю этот народ, но погода у них — хуже не придумаешь. Вы, доктор, когда на

¹ Бюффон — Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон, знаменитый французский натуралист XVIII века, автор многотомной «Естественной истории».

берег пойдёте, платком нос завяжите. А лучше — два платка. Здесь туман не просто сырой, он, говорят, от каменного угля, так что и вовсе вредный.

Галкин чихнул и согласился, что предосторожность не помешает.

На берег сошли только к обеду, когда туман чуть рассеялся, явив миру громаду Лондона — города, который поражал воображение даже сквозь пелену. Кирпичные стены, чёрные от копоти, бесчисленные трубы, изрыгавшие дым, мосты, нависающие над рекой, и тысячи людей — лодочников, матросов, джентльменов в цилиндрах, оборванцев в лохмотьях.

Галкин, Завалишин и Фома (которого Лазарев снова отрядил для подмоги) направились в книжную лавку, указанную капитаном на карте. Лавка нашлась не сразу — пришлось плутать по узким улочкам, где пахло рыбой, дёгтем и ещё чем-то кислым, и то и дело уворачиваться от проезжающих экипажей.

— Ну и Вавилон, — восхищённо бормотал Фома, вертя головой. — У нас в Сибири тайга, а тут тайга из людей. И все бегут, спешат, словно за ними черти гонятся.

— Это торговля, Фома, — назидательно пояснил Завалишин, который в Лондоне бывал и потому чувствовал себя бывалым путешественником. — Здесь каждая минута денег стоит.

Книжная лавка оказалась маленькой, тёмной, заваленной фолиантами до потолка. Старик-продавец в очках на кончике носа подозрительно оглядел вошедших, но, услышав чистый французский Галкина (английский Алексей знал плохо), оживился и закивал:

— О, мсье из Франции? Или, позвольте угадать, из России? Я слышал, на рейде стоят русские военные корабли.

— Из России, — подтвердил Галкин. — Мне нужны книги по зоологии. По естественной истории. Всё, что у вас есть о животных южных морей. И, если можно, по таксидермии — как делать чучела и сохранять образцы.

Старик оживился ещё больше. Через полчаса Галкин вышел из лавки с целым ворохом книг, за которые пришлось выложить круглую сумму, но Лазарев сказал — казна оплатит, не жалеть.

Были тут и «Естественная история» Бюффона на французском, издание в двадцати томах (только первые три, но

и то хлеб), и «Путешествие на «Бигле»⁹¹ с описаниями животных, и даже какой-то практический справочник для китобоев с картинками, как разделывать туши.

— Богато, — крикнул Фома, взваливая книги на плечи.
— Теперь учёность пойдёт.

Вечером того же дня Лазарев пришёл к Галкину с новостью.

— Алексей Андреевич, собирайтесь. Идём со мной.

— Куда, Михаил Петрович?

— В гости. К одному любопытному человеку. Фаддей Фаддеевич меня просил навести справки о том, что ждёт нас на юге. Кто, как не англичане, должны знать об этом лучше всех? У них тут есть китобои, которые доходят до самого льда.

Лазарев был в парадном мундире, гладко выбрит и пах одеколоном. Галкин вздохнул, привёл себя в порядок и последовал за капитаном.

Дом, куда они пришли, стоял в Гринвиче, неподалёку от знаменитой обсерватории. Двухэтажный, кирпичный, с ухоженным палисадником и медной табличкой на двери: «Уи-

¹ Путешествие на «Бигле» было написано в 1831-36 годах, но мне очень хотелось, чтобы Алексей Андреевич проникся гением Чарльза Дарвина, как и я в своё время, поэтому допустим этот маленький анахронизм.

льям Саммер, капитан дальнего плавания».

Дверь открыл сам хозяин — сухой старик с лицом, выдубленным всеми ветрами Атлантики, и глазами, которые, казалось, видели слишком многое, чтобы чему-то удивляться. Он говорил с лёгким шотландским акцентом, но чисто, и сразу же пригласил гостей в гостиную.

— Капитан Лазарев? Слышал о вас, сэр. Вы, я слышал, ходили с Крузенштерном, «Суворов», Тихий океан, открытие острова. Похвально, очень похвально. А это ваш доктор?

— Штаб-лекарь Галкин, — представился Алексей.

— Медик? Идёте в Южный океан? — Саммер окинул его быстрым, цепким взглядом. — Что ж, вам там пригодится ваше искусство. Цинга, холод, травмы... Льды, сэр, не прощают ошибок.

Он разлил по стаканам виски — густой, пахнувший торфом — и пригласил садиться.

— Вы хотели знать, что там, на юге? — начал Саммер без предисловий. — Я скажу вам, что я знаю. И чего не знаю — тоже скажу. Ходить вокруг да около в нашем деле не принято.

Он сделал глоток и продолжил:

— Я трижды обходил мыс Горн. Дважды доходил до Южных Сандвичевых островов. Льды, сэр, — это самое страшное, что есть в океане. Шторм можно переждать, волну можно оседлать, но лёд... Лёд не дышит. Он просто есть. Он стоит на пути, и если ты не можешь его обойти — ты умрёшь.

— Вы видели землю? — спросил Лазарев напрямую. — Землю за льдами?

Смит помолчал, глядя в свой стакан.

— Я видел странные вещи, сэр. Однажды, в пятьдесят пятом градусе, мы шли сквозь туман. Туман стоял такой, что не видно было и собственного бушприта. И вдруг — прямо по курсу — появилась гора. Чёрная, скалистая, с белой шапкой. Мы шли на неё, сэр, шли целый час. А потом... потом она исчезла. Растаяла в тумане. Матросы до сих пор клянутся, что видели землю. А я не знаю. Может, это был мираж. Может, айсберг, похожий на скалу. А может... — он развёл руками, — может, там и вправду что-то есть.

— Капитан Кук, — осторожно напомнил Лазарев, — писал, что если земля и существует, то она недоступна. Льды не пускают.

— Кук, — Смит усмехнулся. — Великий мореплаватель, спору нет. Но он не был там, где были мы. Он прошёл южнее, чем кто-либо, но он искал землю в хорошую погоду. А мы... искали китов. И мы заходили в такие щели между льдами, куда Кук побоялся бы сунуться. Я вам вот что скажу, капитан-лейтенант. Если земля там есть — её надо искать не там, где чисто, а там, где льды расходятся. Где течение и ветер открывают проход. Это игра в удачу, сэр. Чистая игра.

Галкин слушал, затаив дыхание. Этот старый моряк говорил о том же, о чём они мечтали, — о Неведомой Южной Земле. Но в его словах не было уверенности. Было знание

опасности, уважение к океану и — надежда.

— А животные? — спросил он, пользуясь паузой. — Тюлени, киты, птицы? Что вы о них знаете?

Смит повернулся к нему, и в глазах старика зажглось что-то тёплое.

— А вот это, молодой человек, самое интересное. Там, на юге, животные не боятся человека. Они не знают, что человек — это опасно. Тюлени подпускают вплотную, птицы садятся на мачты. Я видел китов, каких не видел никто, — белых, сэр, белых как снег. Или это снег отражался в воде — не знаю. Но одно скажу: если вы любите науку, вы там налюбуетесь вдоволь. Только, — он поднял палец, — не увлекайтесь. Море забирает тех, кто забывает, что оно опасно.

Возвращались на корабль поздно. Туман рассеялся, и Лондон предстал во всей своей вечерней красе — тысячи огней отражались в тёмной воде Темзы, где-то играла музыка и смеялись женщины.

— Что скажете, доктор? — спросил Лазарев, когда их шлюпка заскользила к «Мирному».

— Скажу, что мы идём в неизвестность, — честно ответил Галкин. — И что от этого... захватывает дух.

Лазарев усмехнулся.

— Это правильно. Тот, кого неизвестность не волнует, мо-

ряком быть не может. Но запомните, Алексей Андреевич, что сказал этот старик: море забирает забывчивых. Будем помнить — и вернёмся.

Утром следующего дня «Восток» и «Мирный» покинули Лондон. Впереди был Атлантический океан, экватор, Бразилия и Юг.

Галкин стоял на палубе и смотрел, как тают в дымке берега Англии. В руках у него был подарок Фомы — маленький нож для разделки, вырезанный из обломка гарпуна и отполированный до блеска.

— На память, ваше благородье, — сказал Фома, вручая подарок. — Чтоб не боялись. С этим ножом я десятки туш разделал, и ничего, цел. И вы справитесь.

Галкин повертел нож в руках, спрятал в карман и пошёл в каюту — читать Бюффона. Наука не ждёт.

Глава 4: Тайна капитана

От Лондона до тропиков — полтора месяца пути, и для Галкина это время стало первой настоящей морской школой.

«Мирный» оказался кораблём хоть и небольшим, но удивительно ладным. Двадцать пушек, семьдесят два человека команды, три мачты, несущие прямые паруса, — шлюп водоизмещением в пятьсот тридцать тонн¹ строился на Олонечкой верфи как военное судно, но для кругосветного плавания его пришлось переделывать. Подняли борта, усилили крепления, обшили корпус медью — чтобы в тропических водах черви не точили. Лазарев лично следил за каждой мелочью, и теперь Галкин видел плоды его трудов: «Мирный» слушался руля как живой.

— Хороший корабль, — говорил Лазарев, поглаживая полированный планшир, словно крупу любимой лошади. — На «Суворове» я на таком же ходил. Эти шлюпы, Алексей Андреевич, оне хоть и не быстроходные, зато надёжные. А в нашем деле надёжность — первое дело.

«Восток» был побольше — девятьсот тонн, сто семнадцать человек, двадцать восемь пушек. Но, как вскоре выяснилось, у него была беда: корпус оказался слабоват для долгого плавания в тяжёлых льдах. Лазарев хмурился, поглядыва-

¹ Пятьсот тридцать тонн — реальные характеристики шлюпа «Мирный». «Восток» был 900 тонн.

вая в сторону флага, и говорил, что Беллинсгаузену придётся беречь свой корабль пуще собственных глаз.

Жизнь на «Мирном» быстро вошла в колею. Подъём в шесть утра, молитва, завтрак — солонина с сухарями и кружка воды, сдобренной уксусом для предохранения от цинги. Вахты сменяли вахты, матросы драили палубу, чинили такелаж, учились стрелять из пушек по бочкам. Лазарев требовал, чтобы команда была готова ко всему.

Галкин лечил порезы, ссадины, изредка — лихорадку. Матросы поначалу дичились «дохтура», но Фома быстро раструбил по всему кораблю, что свой человек, и отношение переменилось. К тому же Галкин не брезговал приходить в кубрик, сидеть на рундуках, слушать бесконечные рассказы о домах, оставленных жёнах, невест, матерей.

Особенно привязался к нему молодой матрос Никита Шмелёв — семнадцати лет от роду, попавший на флот по рекрутскому набору из ярославских крестьян. Это был кудрявый светловолосый парень с тонкими, почти детскими чертами лица, тихий, работающий. Но с первого же дня он стал сохнуть на глазах: тоска по дому съедала его изнутри. Галкин подолгу разговаривал с ним, поил настойкой хины (для бодрости, говорил он, хоть и сам знал, что от отчаяния лекарства нет), и понемногу Никита оттаял.

— Спасибо вам, ваше благородье, — шептал он, принимая очередную порцию «лекарства». — А то я думал, помру здесь, на этой воде. А вы... ну просто вытащили меня.

Галкин отмахивался, но на душе становилось тепло.

В конце августа подошли к Тенерифе. Остров возник из океана внезапно — огромной горой, уходящей вершиной в облака. Пик Тейде, объяснил Лазарев, вулкан. Высота — три с половиной тысячи сажень, если по-нашему. Галкин смотрел и не верил глазам: зелень, пальмы, белые домики на склонах — после двух недель однообразной воды это казалось чудом.

На берег сошли ненадолго — пополнить запасы воды и свежей провизии. Купили фруктов, овощей, вина (для офицерского стола). Галкин жадно вдыхал запах земли, травы и цветов, словом, всего того, чего был лишён в море. Лазарев разрешил команде небольшую гулянку, но строго-настрого приказал не пьянеть, а к ночи вернуться.

— Здесь испанцы, — пояснил он Галкину. — Народ гордый, с ними надо ухо держать востро. Чуть что — сразу в штыки. А нам ссоры не нужны.

Вернулись все целыми, хотя Фома приволок на борт какую-то диковинную птицу в клетке — зелёного попугая с жёлтой головой.

— Для науки, ваше благородье, — пояснил он, протягивая клетку обалдевшему Галкину. — Будете изучать. Я его у одного португальца выменял за полкружки рома.

Попугай оказался на редкость склочным существом и немедленно обляял Лазарева на чистом португальском. Капитан рассмеялся, велел Галкину попугая записать в судовую ведомость как «экспонат номер один» и держать в каюте для поднятия настроения.

Попугая называли Жоржем — в честь Бюффона.

Экватор пересекали в начале октября.

Три дня готовились: матросы шили из парусины чучело Нептуна, красили лица сажей, учили роли. В назначенный час, когда солнце стояло в зените, на палубу влез «морской царь» — ряженный боцман с трезубцем из гарпуна, — и началось священнодействие.

Всех, кто шёл через экватор впервые, макали в бочку с солёной водой, брили деревянной бритвой и осыпали мукой. Галкину тоже досталось — несмотря на офицерское звание, от традиции не освобождали. Он барахтался в бочке, глотал воду, а матросы ржали вокруг и подбадривали криками:

— Давай, ваше благородье! Купайтесь для здоровья!

Фома стоял рядом, держа на плече Жоржа, и попугай орал что-то нечленораздельное, явно присоединяясь к общему веселью.

После экватора началась жара. Солнце пекло немилосердно, смола на палубе плавилась, матросы ходили в одних пор-

тах, а офицеры изнывали в мундирах. Галкин раздавал хину, следил, чтобы воду пили с уксусом, и боролся с первыми признаками духоты в трюмах — там, где хранилась соловина, завелись черви. Пришлось перебирать бочки, выкидывать испорченное, а потом проветривать. Лазарев хмурился, но молчал — понимал, что нет в том ничьей вины.

К Рио-де-Жанейро подошли в первых числах ноября.

Бухта, открывшаяся глазам, была прекрасна. Голубая вода, зелёные холмы, белые здания, а над всем этим — гора Сахарная Голова, круглая и гладкая, и вправду как гигантский кусок сахара. На рейде стояли десятки кораблей — португальские, английские, французские, американские. Везде сновали лодки, гремели цепи, кричали грузчики.

— Красота, — выдохнул Завалишин, стоя рядом с Галкиным. — Я читал про Рио, но чтоб так...

— Столица Португальской империи, — пояснил подошедший Лазарев. — Король-то их сюда сбежал, когда Наполеон в Лиссабон вошёл¹. Так и живут теперь здесь, в тропиках. Говорят, при дворе все в париках, да при шпагах, а за окном обезьяны по пальмам скачут. Он усмехнулся.

¹ В 1807 году, когда армия генерала Жана-Андоша Жюно приблизилась к Лиссабону, принц-регент Жуан, правивший вместо своей матери, душевнобольной королевы Марии I, покинул страну и перебрался в Бразилию.

— Завтра сходим на берег. Фаддей Фаддеевич будет представляться местным властям, а вы, доктор, займитесь провизией. И, ради бога, присмотрите за командой. В портовых кабаках матросы умеют забывать о дисциплине быстрее, чем мы успеваем сняться с якоря.

На берег сошли утром. Рио оглушил, ослепил, одурманил. Галкин никогда не видел такой смеси роскоши и нищеты. Кареты, запряжённые четвёрками лошадей, соседствовали с грязными лачугами на сваях. Дамы в шёлках проходили мимо чернокожих полуголых рабов, тащивших тюки с кофе. В воздухе пахло гнилью, цветами, жареным мясом и потом.

— Вот она, колониальная столица, — буркнул Фома, озираясь по сторонам. — Красиво, аж тошно.

Они закупили провизию — свежее мясо, фрукты, овощи, зелень. Галкин торговался на ломаном португальском, тыкал пальцем в товары, пересчитывал монеты. Фома таскал мешки и косился на местных — особенно на тех, кто был с темной, почти черной кожей, которых, кажется, видел впервые в жизни.

— И что, они так и живут? — шёпотом спросил он, когда мимо провели партию рабов в кандалах. — Как скотина?

— Такова жизнь, Фома, — вздохнул Галкин. — Не нам судить. В России тоже крепостное право, отнюдь не все наши

помещики к своим крепостным по-человечески относятся.

Вечером, уставшие, они вернулись на корабль. Лазарев был уже там — хмурый и задумчивый.

— Алексей Андреевич, — окликнул он Галкина, — прошу ко мне в каюту. Разговор есть.

В каюте Лазарева, кроме самого капитана, сидел Беллинсгаузен. Галкин удивился — командующий редко покидал «Восток», и его присутствие на «Мирном» означало нечто важное.

— Присаживайтесь, Алексей Андреевич, — кивнул Беллинсгаузен. — Дело есть. Вернее, тайна.

Он развернул на столе лист плотной бумаги — старый, пожелтевший по краям. Галкин увидел карту. Южное полушарие, очертания Америки, Африки, Австралии. И ниже — огромное белое пятно, на котором чьей-то рукой было написано: «Terra Australis Incognita».

Но не это привлекло внимание. К югу от Огненной Земли, там, где на современных картах значился только лёд, на этой карте была нарисована земля. Береговая линия, бухты, мысы. И надпись мелким, бисерным почерком: «Земля, открытая капитаном Гомесом в 1603 году. Последующие плаванья не подтвердили существования».

— Откуда это? — выдохнул Галкин.

— Из Лондона, — ответил Беллинсгаузен. — Старый моряк, капитан Саммер, у которого мы были в гостях, передал мне эту карту. Сказал, что она хранилась в его семье лет сто. Его прадед ходил с Гомесом, португальским капитаном на испанской службе. Говорят, Гомес обогнул мыс Горн, попал в шторм, его отнесло далеко на юг — и он увидел берег. Скалистый, чёрный, покрытый снегом.

Лазарев молчал, вглядываясь в карту.

— Но почему об этом никто не знает? — спросил Галкин.
— Почему Кук не упоминает Гомеса?

— Потому что Гомес никому не докладывал, — усмехнулся Беллинсгаузен. — Он был контрабандистом, Алексей Андреевич. Вором. Его дело было — возить золото из колоний в обход испанской казны. Открытиями он не интересовался. Но карту составил. И, как видите, она сохранилась.

— Вы верите в это? — прямо спросил Галкин.

Беллинсгаузен помолчал.

— Я верю в то, что земля может существовать. Кук отрицал её наличие, но Кук не мог обыскать весь океан. Он прошёл южнее всех, но море велико. Если Гомес видел берег — значит, он где-то есть.

Он посмотрел на Галкина в упор.

— Я не имею права официально искать землю, обозначенную на старой пиратской карте. Но я имею право идти туда, где, по моим расчётам, может находиться неизведанное. И я пойду туда. А вы, Алексей Андреевич, будете молчать об

этом разговоре. До поры до времени. Матросы не должны знать, что мы ищем что-то, кроме льдов. Скажем, что проверяем старые записи Кука. Это безопаснее.

Галкин кивнул. У него пересохло во рту.

— Ещё вот что, — Беллинсгаузен достал из папки ещё один лист. — Это мои личные заметки. Здесь — наблюдения за течениями, ветрами, льдами. Я много лет собирал всё, что писали о Южном океане. Если земля существует, она должна находиться где-то здесь. — Он ткнул пальцем в точку далеко на юге, за семьдесят первым градусом. — Или здесь. Или вообще не существовать. Но мы должны проверить.

Он свернул карты и спрятал в папку.

— Идите, Алексей Андреевич. И помните: тайна есть тайна. Даже Михаилу Петровичу я рассказал об этом только сегодня. Вы — второй.

Галкин вышел на палубу, сел на пушку и долго смотрел на огни Рио, мерцавшие в темноте. Где-то там, за тысячи миль отсюда, лежала неизвестность. И он, штаб-лекарь, вчерашний московский врач, должен был стать частью её открытия.

Рядом зашевелился Жорж, накрытый тряпкой в своей клетке, и сонно пробормотал:

— Bom dia, senhor¹.

Галкин усмехнулся и пошёл спать.

Завтра — в океан. Завтра — на юг.

¹ Bom dia, senhor — «Добрый день, сеньор» (португ.).

Глава 5: К югу от Рио

Три дня прощания с Рио-де-Жанейро растянулись на неделю. То одно, то другое задерживало: португальские чиновники требовали лишних бумаг, подвела местная верфь, обещавшая починить мелкие повреждения на «Востоке», да и командам дали малость погулять — Лазарев справедливо полагал, что перед долгим плаванием в холодные воды матросам не грех вспомнить, что такое твёрдая земля и женская ласка.

Фома воспользовался задержкой по-своему. Он пропадал на берегу целыми днями и возвращался с самыми невероятными трофеями: то притащит связку бананов (которые матросы пробовали впервые в жизни и долго не могли понять, как это есть), то приволочёт живую обезьянку, которую Галкин велел немедленно отнести обратно («Фома, мы не зверинец, у нас провизии в обрез!»), то явится с карманами, полными каких-то блестящих камешков, которые, по его словам, были «настоящим бразильским золотом» (оказалось — обычный пирит).

— Фома, ты бы хоть предупреждал, — вздыхал Галкин, рассматривая очередную «научную ценность».

— А чего предупреждать, ваше благородье? Вы учёный, вам всё пригодится. Вдруг из этого золота лекарство какое сделать можно? Или, наоборот, яд?

Попугай Жорж, успевший выучить несколько русских слов, радостно орал с плеча Фомы: «Золото! Золото!»

Галкин махнул рукой и велел Фоме делать что хочет, лишь бы к отплытию был трезв и при деле.

Пятого ноября 1819 года «Восток» и «Мирный» покинули гостеприимную бухту Рио-де-Жанейро. Корабли взяли курс на юго-восток. Лазарев, посоветовавшись с Беллинсгаузеном, решил идти не прямо к мысу Горн, а сперва обследовать малоизвестные острова в Южной Атлантике — там, где капитан Кук отметил на картах лишь приблизительные очертания.

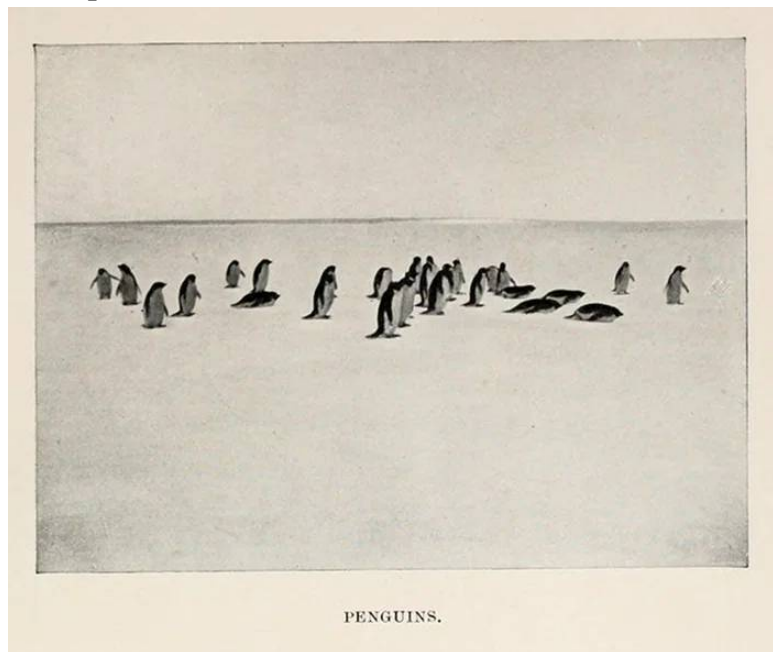
Погода стояла чудесная. Попутный ветер надувал паруса, солнце ласково грело палубу, матросы ходили в одних рубашках, радуясь последним тёплым дням. Все знали: скоро начнётся холод.

Галкин пользовался погодой, чтобы учиться. Он таскал за собой Фому и заставлял его показывать, как правильно свежевать рыбу, и, скрепя сердце, как снимать шкуру и отделять мясо от костей, не повредив скелет — Лазарев был неумолим, на днях, пересилив себя Галкину все же пришлось свежевать несчастного тюленя. Фома тоже старался, но то и дело вздыхал:

— Эх, ваше благородье, не для того рыбу ловят, чтоб её

потом в банки солить. Её есть надо!

— Для науки, Фома, для науки, — отвечал Галкин, старательно зарисовывая плавники очередного тунца, пойманного матросами.

13¹

Через две недели плавания, двадцатого ноября, вахтенный с марса закричал:

¹ Frederick Albert Cook (фото с публичным доменом)

— Земля! Прямо по курсу!

На горизонте показался небольшой скалистый остров. Лазарев сверился с картами и нахмурился.

— По Куку, здесь ничего нет, — сказал он Галкину, стоявшему рядом. — Он прошёл южнее и не заметил. А остров есть.

— Может, это ошибка? — предположил Галкин.

— Проверим.

Подошли ближе. Остров оказался необитаемым, поросшим жёсткой травой и усеянным птичьими базарами. Тысячи альбатросов и пингвинов собрались на скалах, оглашая окрестности нестройным гомоном.

— Надо высадиться, — решил Лазарев. — Составить карту, взять пробы. Фаддей Фаддеевич будет доволен.

На берег отправились две шлюпки — с офицерами, матросами и, конечно, Галкиным, который тащил с собой Фому, банки, склянки и огромный лист бумаги для зарисовок.

Высадка оказалась нелёгкой. Берег был скалистый, обрывистый, пришлось долго искать место, где можно пристать. Наконец нашли небольшую бухточку, защищённую от волн, и шлюпки ткнулись в песок.

Едва Галкин ступил на твёрдую землю (после полутора месяцев в море это ощущение было непривычным, почти пьянящим), как на него с криком налетела огромная птица. Он едва увернулся, взмахнув руками, и птица, возмущённо хлопая крыльями, отошла на пару шагов, но не улетела —

только смотрела на людей чёрными бусинками глаз с явным неодобрением.

— Альбатрос, — сказал подошедший Лазарев. — Здесь они людей не боятся. Никто их не трогает, вот и привыкли.

Птиц и правда было множество. Пингвины — смешные, важные, в чёрных фраках — стояли колониями и с любопытством рассматривали незваных гостей. Один, самый смелый, подошёл к Галкину вплотную и клюнул его за сапог.

— Тьфу ты, — отшатнулся Алексей. — А они не кусаются?

— Да нет, — засмеялся Завалишин. — Просто любопытные.

Фома уже деловито расхаживал среди птиц, прикидывая, кого бы поймать для «науки».

— Ваше благородье, вон того, толстого, изловить? — крикнул он, показывая на крупного пингвина.

— Не надо, — остановил его Галкин. — Сначала посмотрим. Нарисуем. А потом, может, и возьмём одного.

Он достал бумагу и карандаш и принялся зарисовывать пингвинов, стараясь передать их важную походку и уморительные позы. Фома сидел рядом, держал банку для «образцов» и время от времени отпускал замечания:

— Ишь ты, как выступает, словно купец на ярмарке. А тот, глядите, с яйцом носится — вон, под брюхом катит. Забавные твари.

AN ALBATROSS.

14¹

Пробыли на острове два дня. Успели обойти его кругом, составить подробную карту, набрать образцов камней и мха, поймать несколько птиц для коллекции (Фома всё же уговорил Галлина взять двух пингвинов — «для науки, ваше благородье, они же засохнуть могут, пока мы до дома дойдём, а так хоть в спирту сохраним»).

¹ Frederick Albert Cook (фото с публичным доменом)

Лазарев назвал остров именем Анненкова — в честь лейтенанта с «Востока», который первым его заметил¹.

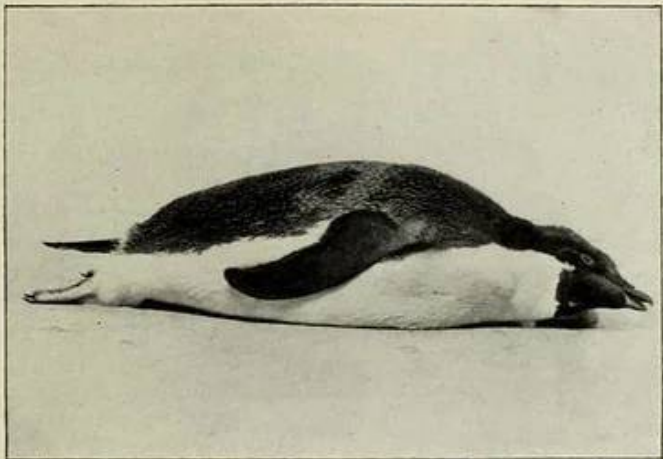
Когда поднимались на борт, Галкин оглянулся на оставленный остров. Птицы уже успокоились и снова занимались своими делами, не обращая внимания на уплывающие корабли.

— Жалко их, — неожиданно сказал Фома. — Живут тут, никого не трогают, а мы к ним в гости — и двух с собой уволокли.

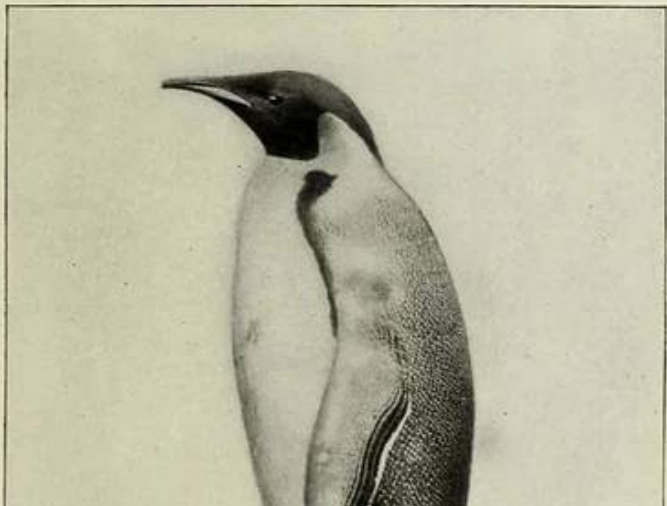
— Для науки, Фома, — вздохнул Галкин. — Сам говорил.

— Для науки оно, конечно, — Фома почесал затылок. — А всё одно жалко.

¹ Остров Анненкова — реально открытый экспедицией остров, названный в честь лейтенанта Михаила Анненкова. Это было первое открытие русских антарктических экспедиций.

The Small Pack Penguin (*Pygoscelis Adeliae*).

Дальше пошли на юг.

Чем дальше, тем холоднее становилось. Солнце ещё светило ярко, но в воздухе чувствовалась уже не ласковая тропическая теплота, а что-то тревожное, колючее. Вахтенные начали надевать бушлаты.

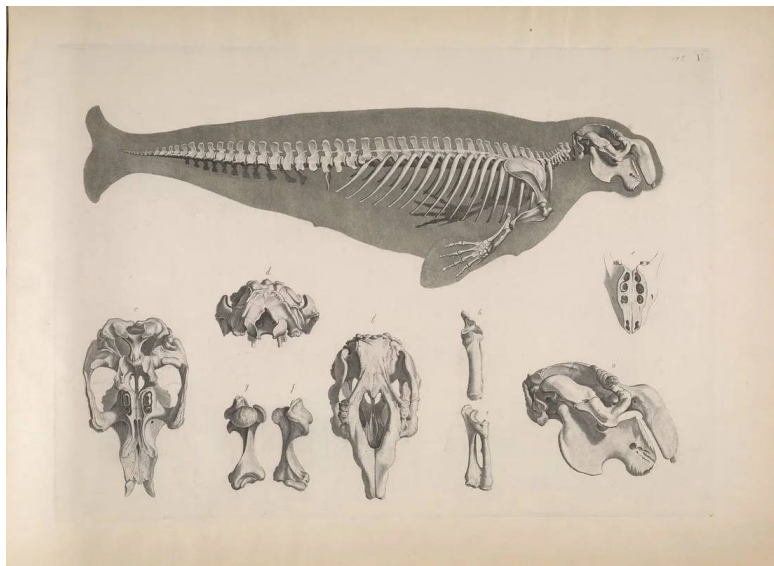
Лазарев ходил озабоченный. «Восток» начал давать течь — не опасную, но неприятную. Беллинсгаузен приказал чаще откачивать воду, а на стоянках конопатить щели.

— Не корабль, а решето, — ворчал Лазарев в разговоре с Галкиным. — Надёжность, говорили они. Девятьсот тонн, говорили они. А на деле — чуть волна покрепче, и уже вода в трюме. Фаддей Фаддеевич держится молодцом, но я вижу, как он переживает.

— А наш? — спросил Галкин.

— Наш — ничего. «Мирный» хоть и поменьше, зато крепче строили. Медь обшивку держит, черви не точат. Дойдём.

¹ Frederic Albert Cook (фото с публичным доменом)

17¹

В начале декабря подошли к острову Южная Георгия, открытому ещё Куком.

Зрелище открылось суровое: высокие скалистые берега, покрытые снегом, ледники, сползающие прямо в море, и бесчисленные стаи птиц. Холод здесь уже чувствовался по-настоящему — ветер пронизывал до костей, хотя до зимы было ещё далеко.

Беллинсгаузен решил задержаться на несколько дней, что-

¹ Edouard Joseph d'Alton «Die vergleichende Osteologie» (фото с публичным доменом)

бы уточнить карты и пополнить запасы пресной воды (на острове нашлись ручьи). Лазарев отправил на берег партию матросов с бочками, а Галкин, разумеется, увязался с ними.

Здесь, на Южной Георгии, произошёл случай, который потом долго рассказывали в кубриках.

Матросы набирали воду в небольшой бухте, когда из-за скалы показался огромный морской слон. Зверь был чудовищных размеров — саженей пять в длину, с толстой складчатой шеей и мясистым хоботом, свисающим с морды. Он лежал на берегу и, увидев людей, лениво приподнял голову.

— Мать честная, — выдохнул кто-то из матросов. — Чудище морское.

— Да это тюлень, — неуверенно сказал другой. — Только большой.

Морской слон, видимо, решил, что люди не представляют угрозы, и снова уронил голову на камни. Но тут из-за спин матросов выскочил Фома с гарпуном наперевес.

— Фома, стой! — закричал Галкин, но было поздно.

Фома подбежал к зверю и ткнул его гарпуном в бок — правда, несильно, скорее для острастки. Морской слон взревел так, что у Галкина заложило уши, и ломанулся в воду, едва не сбив Фому с ног. Матросы попадали кто куда, бочки покатались, вода пролилась. Фома стоял на берегу, мокрый с головы до ног, и смотрел вслед уплывающему зверю с выражением глубокой обиды на лице.

— А я ж его только спросить хотел, — сказал он, когда к

нему вернулся дар речи. — Дай, думаю, познакомлюсь.

— Ты бы познакомился, — отдышавшись, сказал Галкин. — Он бы тебя своим хоботом так познакомил, что мать родная не узнала бы.

— Да я ж легонько, — оправдывался Фома. — Для науки. Да и вообще... думал, может, шкуру возьмём...

Вернувшись на корабль, Галкин доложил Лазареву о происшествии. Капитан выслушал, посмотрел на Фому, который стоял тут же с самым несчастным видом, и неожиданно расхохотался.

— Молодец, Фома, — сказал он сквозь смех. — Хоть посмотрели, что это за зверь. А то по картинкам не поймёшь. Но в следующий раз, прежде чем гарпуном тыкать, спрашивай разрешения у старшего офицера. Или у доктора. Понял?

— Понял, ваше благородие, — убитым голосом ответил Фома.

Записывая этот случай в свой дневник вечером, Галкин поймал себя на мысли, что уже не представляет жизни без этого бесконечного плавания, без Фомы с его выходками, без строгого, но справедливого Лазарева, без Жоржа, который теперь спал у него в каюте и будил по утрам криком: «Вставай, золото!»

Впереди был мыс Горн, льды и неизвестность. А пока ко-

рабли шли на юг, рассекая холодные воды Южной Атлантики, и на душе у Галкина было удивительно спокойно.

Глава 6: Шторм

От Южной Георгии до Южных Сандвичевых островов — около трёхсот миль. Переход при хорошем ветре занял бы дня три-четыре. Но хорошего ветра не было.

Сначала стихло совсем. Паруса беспомощно обвисли, корабли застыли на месте, словно влипшие в густой кисель. Наступила та особенная, зловещая тишина, которая морякам страшнее любого шторма. Воздух стал тяжёлым, давящим, небо затянулось мутной пеленой, сквозь которую солнце просвечивало мутным пятном — ни лучей, ни тепла.

— Затишье перед бурей, — хмуро сказал Лазарев, поглядывая на барометр. — Столб падает¹, Алексей Андреевич. Быть беде. Галкин уже научился понимать эти приметы. Столб падает — жди ветра. И ветер пришёл.

Сначала он дёрнул паруса робко, пробуя на прочность, словно разминаясь. Потом засвистел в снастях громче, настойчивее. А через час разразилось такое, что Галкин, видавший всякое на суше, понял, что море — это совсем другая стихия. Ветер обрушился на корабли с яростью живого существа. Он выл, визжал, завывал на все голоса, швырял в лицо ледяные брызги, срывал пену с гребней волн и швырял

¹ Как правило, падение барометра указывает на ухудшение погоды: появление облачности, выпадение осадков. Быстрое падение давления может свидетельствовать о приближении шторма.

её в небо. Волны выросли мгновенно — огромные, чёрные, с белыми гривами, они набрасывались на «Мирный» со всех сторон, подбрасывали, кренили, пытались опрокинуть.

— Рифы взять!¹ — орал Лазарев, перекрывая грохот стихии. — Марсели² долой! Живо, братцы!

Матросы карабкались по вантам, мокрым, скользким, под порывами ветра, норовившего сбросить их вниз. Галкин смотрел на них и не верил глазам: как вообще можно удержаться там, на высоте, когда палуба ходит ходуном, а ветер сбивает с ног даже внизу?

— В каюту, доктор! — заорал на него Завалишин, пробегая мимо. — Сейчас смое!

Но Галкин не мог уйти. Он стоял, вцепившись в поручни, и смотрел, как люди борются со стихией. Сердце колотилось где-то в горле, но было в этом зрелище что-то завораживающее — величие человеческой отваги перед лицом слепой силы.

Особенно он следил за Никитой Шмелёвым. Парень работал на рее¹ — крепил парус, и каждое движение давалось ему с трудом, руки то и дело соскальзывали, а огром-

¹ Взятие рифов (рифление) — это уменьшение площади паруса при помощи особых приспособлений. Эта процедура обычно выполняется при сильном ветре для повышения безопасности судна, улучшения его остойчивости и минимизации риска повреждения паруса или другого оборудования.

² Марсель — прямой парус, который ставится на марса-рее (втором снизу рее) парусного судна. Это второй (иногда и третий) снизу парус на судах с прямым парусным вооружением.

¹ Рей (рея) — это горизонтальное рангоутное дерево, подвешенное за середину к мачте или стеньге. Деревянный или металлический брус длиной от 5 до 30 метров.

ное мокрое полотно паруса норовило своим весом сбросить юношу вниз. Ветер трепал его, рвал одежду, ноги скользили по мокрому дереву. Но он держался.

— Держись, Никита! — закричал Галкин, сам не зная, зачем. Всё равно парень не услышал бы.

Огромная волна перехлестнула через борт. Галкина сбilo с ног, швырнуло на пушку, обожгло ледяной водой. Он захлебнулся, закашлялся, с трудом поднялся. Вода уходила в шпигаты²²¹, унося с собой всё, что плохо лежало.

И тут он увидел Никиту.

Парень сорвался с реи. Галкин не видел, как это случилось — то ли рука соскользнула, то ли ветер дёрнул слишком сильно, — но тело матроса мелькнуло в воздухе и с глухим стуком рухнуло на палубу.

— Никита!

Галкин бросился к нему, забыв про опасность, про волны, про всё. Упал на колени рядом. Парень лежал лицом вниз, не шевелился. Кровь растекалась по мокрой палубе, смешиваясь с водой.

— Поворачивай! — заорал Галкин, пытаясь перевернуть тело. — Помогите!

Рядом возник Фома — откуда только взялся. Вдвоём они перевернули Никиту. Лицо у парня было белое как мел, глаза

¹ Шпигат — это отверстие в палубе или фальшборте судна для удаления за борт воды, которую судно приняло при залипании волнами, атмосферных осадках, тушении пожаров, уборке палубы.

закрыты, из глубокой раны на голове хлестала кровь, заливая золотые кудри.

— В каюту его! — крикнул Галкин. — Живо!

Вдвоём они подняли Никиту и потащили. Палуба ходила ходуном, волны били в борт, ветер выл, но они тащили — шаг, ещё шаг, ещё. Фома матерился сквозь зубы, Галкин молился, сам не зная кому.

Ввалились в каюту, свалили Никиту на койку. Здесь, в относительной тишине (буря и крики матросов всё равно пробивалась сквозь стены), Галкин смог наконец осмотреть рану.

Глубокий рассечённый надрез на затылке — видимо, ударился обо что-то острое, когда падал. Может, о край люка, может, о пушку. Кровь шла сильно, но, кажется, кость цела.

— Воды! — скомандовал Галкин. — Кипятка! И бинты из моего сундука!

Фома заметался по каюте, выполняя приказы. Галкин работал руками, стараясь не думать о том, что корабль ходит ходуном, что в любой момент новая волна может опрокинуть всё, что лампадка на бочке давно погасла и кругом темнота, освещаемая только тусклым светом из иллюминатора.

— Держись, Никита, — шептал он, промывая рану. — Держись, парень. Я тебя вытащу.

Никита застонал, пошевелился. Глаза открыл на миг — голубые, мутные, непонимающие — и снова закрыл.

— Так, сознание теряет, — Галкин работал ещё быстрее.

— Фома, держи его! Чтоб не дёргался!

Фома навалился на Никиту, прижимая к койке. Галкин накладывал швы — мелкие, частые, как учили в академии. Руки дрожали от напряжения и качки, но он заставлял их быть твёрдыми. Когда последний стежок лёг на место, Галкин перевёл дух. Голова кружилась, в глазах темнело. Он прислонился к стене и закрыл глаза.

— Готово, — выдохнул он. — Теперь если не помрёт от потери крови... должен выжить.

— Выживет, ваше благородье, — убеждённо сказал Фома. — Такого парня грех не выходить. Он сильный.

Галкин кивнул и вдруг почувствовал, что силы оставляют его. Он сполз по стене на пол, сел, привалившись спиной к доскам. Фома смотрел на него с тревогой.

— Ваше благородье, вы как?

— Ничего, Фома, — Галкин открыл глаза. — Устал просто. Ты иди, там, наверное, помощь нужна. А я тут посижу, за ним присмотрю.

Фома помялся, но кивнул и выскользнул за дверь.

Шторм бушевал ещё двое суток. Галкин почти не выходил из каюты. Сидел рядом с Никитой, менял повязки, поил водой с хиной, считал пульс. Парень метался в бреду, звал мать, просился домой, в Ярославль. Галкин держал его за ру-

ку, говорил что-то успокаивающее, сам не зная что. Иногда заходил Лазарев — мокрый, уставший, но спокойный. Смотрел на раненого, на Галкина, кивал и уходил.

— Молодец, доктор, — сказал он один раз. — Спасибо тебе.

На «ты» Лазарев переходил редко. Это значило многое.

На третьи сутки ветер стих так же внезапно, как и начался. Выглянуло солнце, море успокоилось, заблестело тысячею искр. Матросы высыпали на палубу — сушить одежду, проветривать кубрики и считать потери.

Потери оказались невелики: смыло за борт бочку с соломиной, порвало несколько парусов, да Никита лежал в каюте Галкина. «Восток» отделался немногим хуже — у них тоже были раненые, двое матросов сломали руки, сорвавшись с вант. Но оба корабля уцелели, и это было главным.

Беллинсгаузен прислал шлюпку с вопросом: как дела? Лазарев ответил: «Держимся. Раненый один, но доктор говорит — выживет».

Никита открыл глаза на четвёртые сутки.

Сначала долго смотрел в потолок, ничего не понимая. Потом перевёл взгляд на Галкина, сидевшего рядом с книгой.

— Ваше... благородье? — прошептал он пересохшими губами.

— Очнулся, — Галкин отложил книгу, наклонился. — Как ты, Никита?

— Голова... болит, — парень поморщился. — А где я?
— У меня в каюте. Ты упал, помнишь? Расшибся сильно.
Никита помолчал, вспоминая. Потом глаза его расширились:

— А... шторм? Корабль?

— Цел корабль. И ты цел. Благодарю Бога, да меня заодно.
Никита вдруг дёрнулся, попытался встать.

— Лежи, дурак! — прикрикнул Галкин. — Куда собрался?

— Ваше благородье... — голос у Никиты дрогнул. — Вы меня... спасли ведь? Я ж помню, вроде, как падал, а потом темнота. Думал, помру.

— Не помер, — усмехнулся Галкин. — Живой.

Никита вдруг схватил его руку и прижался к ней щекой. Глаза у парня стали мокрыми.

— Ваше благородье... я ж сирота круглый. Мамка померла, тятка в рекруты отдал, а тут вы... Век не забуду.

Галкин растерялся. Он не умел принимать такую благодарность.

— Ладно, ладно, — пробормотал он, высвобождая руку. — Лежи давай. Поправляйся. Ещё пригодишься.

Никита кивнул, вытер глаза рукавом и закрыл глаза — спать. Галкин посидел ещё немного, глядя на него, рука его дернулась, и пальцы пригладили мягкие золотые кудри. Галкин встал и вышел на палубу.

Там было солнечно, свежо, ветер гнал мелкие волны, играл в снастях. Корабль шёл ходко, разрезая воду, и на душе у Галкина было удивительно легко.

Подошёл Лазарев, встал рядом.

— Как парень?

— Очнулся. Будет жить.

— Молодец, доктор, — повторил Лазарев. И добавил, помолчав: — Ты, я смотрю, из тех, кто в беде не бросит. Это хорошо. В море такие люди на вес золота.

Галкин ничего не ответил. Он смотрел, как за кормой тает пенный след, и думал о том, что впервые за долгое время чувствует себя нужным. По-настоящему нужным.

— Завтра подходим к Сандвичевым островам, — сказал Лазарев. — Там, говорят, сплошные льды начинаются. Готовьтесь, Алексей Андреевич. Дальше будет холодно.

Галкин кивнул.

— Я готов, Михаил Петрович.

Он и правда был готов. К холоду, к льдам, к неизвестности. Потому что теперь знал: он не один. Рядом — Лазарев, Фома, весь корабль, и даже этот парень Никита, который смотрит на него как на спасителя. А значит, всё будет хорошо.

Вечером, записывая события в дневник, Галкин поймал себя на том, что улыбается. Жорж, сидевший в клетке, покоился на него и вдруг отчётливо произнёс:

— Молодец, доктор!

Галкин рассмеялся. Попугай, оказывается, не только ругаться умел, но и подслушивать.

— Спасибо, Жорж, — сказал он. — И ты молодец.
За бортом шумело море. Впереди были льды.

Часть 2

Глава 7: Земля Сандвича

Туман опустился на корабли неожиданно — густой, липкий и холодный. Ещё четверть часа назад «Восток» шёл в полумиле по правому борту, отчётливо видный на серой воде, а теперь исчез, словно его и не было. Галкин стоял на палубе «Мирного» и смотрел, как белая пелена пожирает пространство, сжимая мир до размеров корабля.

— Первый раз такое? — спросил подошедший Лазарев.

— В море — первый, — признался Галкин. — На суше, видал, в Петербурге осенью... Но чтоб так — нет.

— Это ещё цветочки, — Лазарев вглядывался в туман, словно надеялся прожечь его взглядом. — В Южном океане такое — дело обычное. И хуже всего, что льды в тумане не видать. Можно наскочить на айсберг, не успев ахнуть.

Галкин поёжился. Не столько от холода, сколько от этих слов.

— А «Восток»? — спросил он. — Как же мы теперь?

— По звуку держаться, — Лазарев кивнул на колокол. — Будем бить склянки каждые полчаса. И пушки палить для верности. Фаддей Фаддеевич — мужик опытный, не пропадёт.

Но в голосе капитана Галкин уловил нотку тревоги, которой раньше не слышал.

Туман не рассеивался вторые сутки.

«Мирный» шёл почти вслепую, ориентируясь по лагу¹ и компасу. Каждые полчаса били в колокол, каждые два часа палили из пушки. Иногда издалека доносился ответный гул — значит, «Восток» ещё держится, ещё жив. Но иногда ответов не было подолгу, и тогда на палубе воцарялась такая тишина, что было слышно, как скрипят зубы вахтенных.

Галкин эти двое суток почти не спал. Всё выходил на палубу, вглядывался в белую мглу, прислушивался. Никита тоже часто оказывался рядом — то кружку с горячим сбитнем принесёт, то шинель поправит, когда Алексей зазеваётся. Но делал это молча, без лишних слов, и так же молча исчезал, если Галкин был занят.

— Не спится, Никита? — спросил его Алексей на вторую ночь, заметив знакомую фигуру у фальшборта.

— Никак нет, ваше благородье, — парень подошёл ближе. — Думается просто. Страшно за «Восток». Там же люди. — Страшно, — согласился Галкин. — Но Лазарев говорит — Фаддей Фаддеевич опытный. Должен справиться.

Никита кивнул, помолчал, а потом спросил тихо:

— А вы, ваше благородье, верите в Бога?

¹ Лаг — навигационный прибор на судне, предназначенный для измерения скорости судна и пройденного им расстояния. Современные лаги также могут измерять поперечную скорость носа и кормы судна, углы крена и дифферента и другие параметры.

Галкин удивился вопросу.

— Верю, — сказал он после паузы. — Не всегда, не во всём, но... когда совсем страшно — молюсь. А ты?

— И я, — Никита перекрестился на восток. — Мамка учила. Она говорила: Бог видит всё, он не оставит. Вот я и молюсь теперь. За всех.

Галкин посмотрел на него — в свете фонаря лицо парня казалось совсем юным, но в глазах была спокойная, твёрдая вера.

— Молись, — сказал он. — Авось поможет.

На третьи сутки туман начал редеть.

Сначала появились просветы, потом забрезжило солнце, и вдруг — словно занавес подняли — открылось море, чистое, спокойное, и в паре миль по курсу — «Восток», целый и невредимый.

На «Мирном» закричали «ура!». Матросы обнимались, хлопали друг друга по плечам. Лазарев, обычно сдержанный, позволил себе улыбку и даже снял фуражку, перекрестившись на восток.

Галкин стоял у фальшборта и смотрел на «Восток». Рядом, чуть поодаль, остановился Никита. Не лез, не мешал — просто был рядом.

— Живы, — негромко сказал Галкин.

— Живы, — эхом отозвался Никита.

И больше ни слова. Но Алексей почему-то почувствовал, что этот тихий ответ важнее любого громкого «ура».

В тот же день подошли к Южным Сандвичевым островам. Зрелище открылось величественное и грозное: высокие скалистые берега, покрытые снегом, ледники, сползающие прямо в море, и тысячи птиц, кружащих в воздухе. Вода у берегов была усеяна льдинами — приходилось лавировать, искать проходы.

— Красота какая, — выдохнул стоявший у борта Завалишин. — И жуть.

Галкин молчал, разглядывая острова. Они возникали из утренней дымки один за другим — мрачные, скалистые, негостеприимные. И всё же это была земля. Твёрдая земля среди бескрайнего океана.

Лазарев стоял с подозрной трубой, вглядываясь в берега.

— Маркиз де Траверсе²⁴¹, — бормотал он, сверяясь с картой.

С «Востока» отправили сигнал: «Принято решение выса-

¹ Маркиз де Траверсе — остров в архипелаге Южные Сандвичевы острова, названный в честь министра морских сил России И.И. де Траверсе. Был открыт экспедицией Беллинсгаузена, но из-за тумана и льдов высадка на него не производилась. Высадка на остров Завадовского (с действующим вулканом) — исторический факт, состоялась 24 декабря 1819 года.

живаться на остров Завадовского. Следовать за мной».

Лазарев нахмурился.

— Рисковано, — сказал он Галкину. — Берега там крутые, прибой сильный. Но если Фаддей Фаддеевич решил — значит, надо.

Галкин ничего не ответил. Он смотрел на остров, над вершиной которого курился лёгкий дымок.

— Вулкан, — сказал он. — Действующий.

— Вижу, — кивнул Лазарев. — Будьте осторожны, Алексей Андреевич. Если полезут камни или пар — сразу к шлюпкам.

Высадка оказалась делом нелёгким.

Берег был крутой, скалистый, пришлось долго искать место, где можно пристать. Наконец нашли небольшую бухту, защищённую от волн чёрными базальтовыми утёсами. Шлюпки ткнулись в вулканический песок, и матросы, прыгав в воду, вытащили их на берег.

Галкин ступил на землю и едва не поскользнулся — под ногами хрустел чёрный песок, перемешанный со снегом. В воздухе пахло серой и ещё чем-то незнакомым, острым.

Фома, спрыгнувший следом, тут же принялся:

— Чем это воняет, ваше благородье? Тухлыми яйцами, что ли?

— Серой²⁵¹, — ответил Галкин. — Вулкан дышит.

— А это не опасно? — Фома покосился на вершину, из которой тянулся лёгкий дымок.

— Пока нет, — Галкин огляделся. — Ладно, за дело. Нам нужны образцы камней, замеры температуры и... — он вздохнул, — описание животных. Лазарев велел не упускать ни одной твари.

Фома крикнул и полез в шлюпку за мешками.

Никита, выбравшийся на берег одним из последних, стоял чуть поодаль, не решаясь подойти. Галкин заметил его и махнул рукой:

— Иди сюда. Будешь записывать.

Парень просиял и подбежал, на ходу доставая из-за пазухи тетрадку и карандаш.

Бухта кишела жизнью. На чёрных камнях лежали тюлени — целое лежбище. Они были огромны, с толстыми складчатыми шеями и лоснящимися шкурами. Некоторые дремали, некоторые лениво переползали с места на место, некоторые поднимали головы и с любопытством рассматривали людей.

— Морские слоны, — определил Галкин, приглядевшись.

¹ Сероводород (сернистый водород, сульфид водорода, дигидросульфид) — бесцветный газ с характерным неприятным тяжёлым запахом тухлых яиц (тухлого мяса).

— Самцы, судя по размерам.

— Большущие, — восхищённо выдохнул Фома. — Ваше благородье, может, одного того... для науки?

— Не смей, — строго сказал Галкин. — Сначала наблюдение, потом — если понадобится. Лазарев разрешит — тогда возьмём.

Фома вздохнул, но спорить не стал.

Галкин достал тетрадь и принялся зарисовывать. Тюлени вели себя удивительно спокойно — они явно не боялись человека, лишь изредка поворачивали головы в сторону людей и флегматично моргали.

— Интересно, — бормотал Галкин, водя карандашом по бумаге. — Окрас тёмно-серый, почти чёрный, на шее складки... Усы длинные, жёсткие... Размеры — примерно три сажени в длину...

Никита стоял рядом и записывал, старательно выводя буквы. Галкин время от времени заглядывал в его тетрадь и поправлял:

— Не «узы», Никита, а «усы». И «складки» через «а» пишется.

— Спасибо, ваше благородье, — краснел парень и тут же исправлял ошибки.

Через час Галкин так увлёкся, что забыл о времени.

Он обошёл всё лежище, зарисовал тюленей с разных ракурсов, записал наблюдения за их поведением, отметил, как они двигаются, как реагируют друг на друга и на людей. Потом полез на скалы — посмотреть на птиц.

— Ваше благородье, осторожнее! — крикнул снизу Никита. — Камни скользкие!

Галкин и сам это видел. Вулканические породы, покрытые снегом и льдом, были опасны. Но любопытство гнало вперёд.

На скалах сидели альбатросы — огромные белые птицы с чёрными крыльями. Они смотрели на человека без страха, лишь изредка щёлкая клювами, когда Галкин подходил слишком близко.

— Красавцы, — выдохнул он, зарисовывая их. — Размах крыльев — сажени две, не меньше...

Внезапно камень под ногой дрогнул. Галкин поскользнулся, взмахнул руками и полетел бы вниз, если бы чья-то рука не схватила его за шиворот.

— Осторожнее надо, ваше благородье, — раздался над ухом голос Никиты.

Парень стоял сзади, вцепившись в скалу одной рукой, а другой держа Галкина. Лицо у него было бледное, но глаза горели решимостью.

— Ты... как ты здесь? — только и смог выговорить Алексей.

— Следом пошёл, — Никита отпустил его, когда Галкин восстановил равновесие. — Боялся, что упадёте.

— Спасибо, — Галкин перевёл дух. — Выручил.

Никита потупился и отошёл на шаг, давая доктору пространство. Но смотреть на скалы продолжил — теперь уже пристально, высматривая опасные места.

Галкин заметил это и усмехнулся про себя. «Ходит хвостиком, — подумал он. — Как щенок. Но спасибо ему — без него бы разбился».

— Ладно, — сказал он вслух. — Хватит на сегодня. Пошли вниз, пока ещё кого-нибудь не открыли.

Никита кивнул и полез вниз первым — показывать дорогу и ловить доктора, если тот снова оступится.

Внизу их ждал Фома с новостями.

— Ваше благородье, там вода тёплая! — заорал он, размахивая руками. — Из-под земли прямо течёт и пар идёт!

Галкин заинтересовался. Они прошли вдоль берега и действительно нашли несколько ручьёв, сочащихся прямо из скал. Вода в них была горячей — термометр показал тридцать градусов.

— Геотермальные источники, — записал Галкин в тетрадь. — Вода нагревается от вулканического тепла. Температура — тридцать градусов по Реомюру¹.

¹ Градус Реомюра (°R, °Ré) — единица измерения температуры, в которой температуры замерзания и кипения воды приняты за 0 и 80 градусов, соответствен-

Никита, записывавший следом, поднял глаза:

— Ваше благородье, а почему вода горячая, если вокруг лёд и снег?

— Вулкан греет, — объяснил Галкин. — Под землёй огонь, он нагревает камни, а те — воду. И она выходит наружу.

— Чудно, — покачал головой Никита. — Огонь и лёд рядом. Как в сказке.

— Как в жизни, — поправил Галкин. — В жизни всё рядом — и огонь, и лёд.

К вечеру вернулись на корабль.

Галкин сидел в каюте, разбирая записи и образцы. Никита помогал раскладывать камни по мешочкам и подписывать их. Делал это молча, сосредоточенно, лишь изредка поглядывая на доктора.

— Ваше благородье, — вдруг сказал он, — а можно я завтра опять с вами?

— Можно, — ответил Галкин, не отрываясь от записей. — Помощник из тебя хороший. И на скалах ты меня сегодня спас. Спасибо ещё раз.

— Да что вы, — Никита покраснел до корней волос. — Я для вас... ну, если что... всегда готов помочь. Вы же меня

спасли.

Он запнулся и замолчал, не договорив.

Галкин поднял голову, посмотрел на парня. Тот стоял, опустив глаза, и теребил край бушлата. Что-то было в этом жесте — робкое, трогательное и почти детское.

— Ты чего? — спросил Алексей.

— Ничего, ваше благородье, — быстро ответил Никита.

— Я пойду, наверное. Спокойной ночи.

И выскользнул за дверь.

Галкин пожал плечами и вернулся к записям.

Утром Лазарев объявил, что остров Завадовского нанесён на карту, образцы собраны, и завтра они идут дальше — на юг, к неизведанным землям.

— Фаддей Фаддеевич доволен, — сказал он Галкину. — Особенно вашими записями. Говорит, настоящий научный труд получается.

— Стараюсь, — улыбнулся Галкин.

И вдруг поймал себя на мысли, что это правда. Он старается. Ему интересно. Впервые за долгое время — по-настоящему интересно. Впереди были льды, и он был готов к ним.

Глава 8: Новые острова

Двадцать седьмого декабря подошли к острову, который Беллинсгаузен назвал именем лейтенанта Торсона. Это был небольшой скалистый остров, покрытый льдом, с крутыми берегами. Высаживаться не стали — слишком опасно, только отметили координаты и пошли дальше.

— Снова в честь одного из лейтенантов, — заметил Галкин за ужином. — Почему Торсона?

Лазарев будто бы поморщился.

— Фаддей Фаддеевич так решил. Торсон — офицер способный, из моряков. Почему бы и нет? Но строго между нами... лейтенант Торсон очень пылкий молодой человек, я не одобряю радикализм его политических взглядов. Если он не перерастёт их... моё мнение — ничем хорошим это для него не кончится²⁷¹. Но не будем об этом, это лично моё мнение.

Галкин почувствовал, что капитан что-то не договаривает, но расспрашивать не стал.

Двадцать девятого декабря открыли ещё один остров

¹ Остров Торсона (ныне — остров Высокий) был в дальнейшем переименован из-за участия участника экспедиции, будущего декабриста Константина Петровича Торсона, в восстании.

— высокий, с двумя вершинами, покрытыми снегом. Беллинсгаузен назвал его именем лейтенанта Лескова²⁸¹.

— Красота, — сказал Фома, глядя на остров. — Прямо как пирожное. Две вершины — как две сдобные булки.

Галкин засмеялся:

— Фома, ты везде еду находишь.

— А как же, ваше благородье, — Фома вздохнул. — Солонина надоела до чёртиков. Вот и мечтается о пирожных.

Никита, стоявший рядом, хихикнул, прикрывая рот ладошкой. Галкин покосился на него, и парень тут же сделал серьёзное лицо.

— Смейся, смейся, — проворчал Фома. — Молодой ещё, не понимаешь цены пирожному.

— Я понимаю, дядя Фома, — серьёзно ответил Никита. — Я просто... радуюсь. Что мы здесь, что острова открываем, что все живы.

— Это ты правильно, — Фома погрузился. — Живы — это главное. А пирожные... пирожные потом будут.

Галкин слушал этот разговор и думал о том, как странно устроена жизнь. Ещё месяц назад он сидел в своей петербургской квартире и тосковал по прошлому. А теперь стоит на палубе корабля, плывущего среди льдов, слушает, как матросы спорят о пирожных, и чувствует... счастье? Нет, не счастье. Что-то другое. Важность. Нужность.

¹ Остров Лескова — реальный остров, открытый экспедицией 29 декабря 1819 года, назван в честь лейтенанта Аркадия Лескова.

Рядом, как всегда, был Никита. И от его присутствия становилось теплее.

Тридцатого декабря туман вернулся.

На этот раз он был не такой плотный, но всё равно неприятный. «Восток» и «Мирный» снова потеряли друг друга из виду, но держались на звук и каждые полчаса перекликались пушками.

Галкин уже не так остро переживал разлуку. Он привык, что море — это постоянная смена: то ясно, то туман, то шторм, то штиль. И корабли — они живые, они умеют выживать.

Но всё равно, когда в очередной раз раздался ответный выстрел с «Востока», на душе становилось легче.

Новый год тоже встретили в тумане.

Лазарев велел выдать команде по чарке, на ужин была свежая рыба (повезло поймать косяк прямо среди льдов), а после матросы пели песни — тихо, чтобы не заглушать колокол и пушки.

Галкин вышел на палубу послушать. Пели «Вниз по матушке по Волге», потом какую-то разудалую плясовую, потом снова грустную, бесконечную, от которой щемило сердце.

Никита стоял у фальшборта и тихо подпевал. Голос у него

оказался чистым, высоким, неожиданно красивым.

— Хорошо поёшь, — сказал Галкин, подойдя ближе.

Никита вздрогнул, обернулся. В темноте не было видно, покраснел ли он, но голос выдал смущение:

— Да что вы, ваше благородье... я так, просто...

— Не просто, — перебил Галкин. — У тебя голос хороший. Жалко, что ты не в церковном хоре, а на флоте.

— На флоте тоже хорошо, — тихо сказал Никита. — Здесь вы. И Фома. И все.

Галкин промолчал. Сказать на это было нечего.

Третьего января 1820 года туман рассеялся окончательно. «Восток» обнаружился в трёх милях, и Беллинсгаузен просигналил: «Держать курс на юг. Ищем проход во льдах».

— Ну, доктор, — сказал Лазарев, — теперь начинается самое интересное. Завтра, а то и сегодня, можем увидеть Южную землю. Если она есть.

Галкин кивнул. Сердце колотилось где-то у горла. Никита стоял рядом и смотрел на горизонт. В его глазах было то же, что у всех: надежда, страх, предвкушение.

— Страшно? — спросил Галкин.

— Страшно, — честно ответил Никита. — И радостно. Как перед причастием.

Галкин усмехнулся. Странные сравнения у парня, но точные.

— Тогда молись, — сказал он. — Авось поможет.

Никита перекрестился и зашептал что-то одними губами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.